

Киран
КРАМЕР

БУДЬ
со МНОЮ
НЕЖЕН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К77

Серия «Все оттенки желания»

Kieran Kramer
SWEET TALK ME

Перевод с английского *Н. Ф. Орловой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Крамер, Киран.

К77 Будь со мною нежен : [роман] / Киран Крамер ;
[пер. с англ. Н. Ф. Орловой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 320 с. — (Все оттенки желания).

ISBN 978-5-17-086797-4

Харрисон Гембл и Тру Мейбенк очень разные — да и что общего у благополучной девчонки из хорошей семьи и лихого уличного парня? Лишь детская дружба и одна-единственная безумная ночь в юности, проведенная на пляже.

Они и спустя годы разные — Харрисон стал звездой, он богат и знаменит, у него миллионы поклонниц. А Тру обручена, и близится день ее свадьбы.

Но случайная встреча меняет все — мужчина и женщина, против которых, казалось бы, сама судьба, забыв обо всем, бросаются в водоворот страстной, безрассудной любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Kieran Kramer, 2014
© Перевод. Н. Ф. Орлова, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086797-4

Глава 1

Когда Харрисон Гембл, суперзвезда музыки кантри, вышел из отеля на утопающую в солнечных лучах Пич-стрит — улицу Атланты, толпа встретила своего кумира душераздирающим ором. Пожалуй, лишь один голос отсутствовал в этом приветственном хоре. Нет, Тру Мейбенк не ограничилась молчанием, но тот звук, который слетел с ее уст, скорее напоминал поросычье повизгивание. Мейбенки соблюдали приличия, были верны традициям и любую вещь, будь то одежда или кухонная утварь, использовали до тех пор, пока она не превращалась в хлам, сохраняли лицо даже тогда, когда мир рушился и земля уплывала из-под ног, и, стало быть, кричать им не пристало.

— Черт, кажется, я влипла, — пробормотала Тру, чувствуя как вибрирует каждая клеточка ее тела.

Она никогда не думала, что увидит его снова. Наблюдая за сценой у отеля сквозь темные очки от «Нины Ричи», доставшиеся ей от покойной тетушки Хони, Тру видела, что Харрисон не обращал особого внимания на истерику фанатов, словно это не имело к нему никакого отношения. Как, впрочем, и к его дразнящему горячему телу, сверкающей белозубой улыбке, покрытой бронзовым загаром коже, сексуальной щетине на скулах, которая была длиннее, чем следовало бы, что наводило на мысли о статусе «плохого парня».

«Давай пошевеливайся, девушка! Ты везешь домой свадебное платье!»

Не обращая внимания на свистки полицейских, Тру на свой страх и риск перебежала через дорогу, и спустя несколько секунд уже быстрым шагом шла вверх по улице, а отставшированное свадебное платье матери держала в ру-

ках. И Тру казалось, что мама идет с ней рядом — мама, со всеми ее высокими ожиданиями и непоколебимыми принципами.

Повернув за угол, она позволила себе оглянуться на сцену у отеля. Какой коллаж можно было бы сделать! Мысль подкралась, коварная и настойчивая, и Тру постаралась прогнать ее, но та оказалась слишком напористой, слишком живой и не желала уходить: напротив, воображение расцветало в ее сознании и отзывалось в теле, заставляя кончики пальцев гудеть от желания.

Она составила бы коллаж из собственных воспоминаний — эта из ее работ стала бы лучшей. Но никому не суждено ее увидеть.

Харрисон закончил раздавать автографы и, послав толпе воздушный поцелуй, занял заднее сиденье черного «хамви». Две девицы, похожие друг на друга как две капли воды и одновременно на королеву кантри Тейлор Свифт, нырнули внутрь. Тонированные стекла поползли вверх, передние колеса резко повернули в сторону улицы, и рука Тру вспотела под пластиковой сумкой.

Нетерпеливо покусывая губу, она смотрела на огни светофора.

«Ну давай, скорее же, скорее...»

Спустя пару секунд «хамви» промчался мимо, а следом за ним — два автомобиля.

Черт!

Тру вздохнула поглубже. С этим покончено. Харрисон — «серый волк» для миллионов очарованных «красных шапочек», одной из которых когда-то была и она.

«Возьми на заметку! Сегодня тебя едва вновь не засосало в этот омут».

Нет. Тру больше не будет думать о нем. Просто так получилось, одна-единственная безумная минута среди нормальной недели. Все, что нужно сделать сейчас, это найти парковку, где она оставила свою машину. Потом предстояло еще четыре часа пилить назад, до бухты Бискейн, назад к сестре Уизи, Кармеле, ее лучшей подруге, и Дабзу, будущему мужу.

Назад к той жизни, которая наконец-то обрела ясные очертания.

Тру миновала еще один квартал, когда небольшой ярко-синий автомобиль с тонированными стеклами замедлил ход, поравнявшись с ней, и окно с ее стороны поползло вниз.

— Садитесь, мисс Младшая Лига, — послышался голос, который она узнала бы среди тысячи других, и звучал он громко и ясно.

Сердце Тру загудело как колокол пожарной охраны, и она остановилась как вкопанная.

Что и говорить, она была в серьезном замешательстве. Мягко выражаясь. В Бискейне сказали бы, что Тру нервничает, как кошка с длинным хвостом, которая находится в комнате, полной кресел-качалок, но сама она предпочла бы выражение «в замешательстве», потому что слыла девушкой начитанной. И даже сейчас с ней была книга, которую пришлось засунуть в чулок на правой ноге — Агата Кристи в мягкой обложке, — так как не влезала ни в один карман, а купленное на распродаже желтое кожаное портмоне было переполнено: три губные помады кораллового оттенка, дорожный лак для волос, пачка бумажных платков, фруктовая жвачка, мобильный телефон, круглая щетка для укладки, маленькая черная точилка для косметических карандашей. Там же уместились связка ключей весом в тонну, банан, таблетки от головной боли, пара запасных солнечных очков и маленький старый кошелек с изображением Золушки из диснеевского мультика, перевязанный резинкой, чтобы не высыпалось содержимое, а именно — карточки и деньги.

— Ну? — Харрисон заглушил мотор. — Может, сядешь и расскажешь, как жила все эти годы, или так и будешь стоять столбом и притворяться, что не видишь меня?

Тру развернулась на каблуках лицом к машине.

— Я тебя вижу.

Отец всегда говорил: если не можешь справиться с большой собакой, просто спокойно стой у крыльца.

Харрисон спрятал удивление под холодным взглядом, как делал всегда, когда что-то производило на него особенное впечатление или какая-нибудь фанатка переступала дозволенные границы и раздевалась, предварительно не спросив у него разрешения.

Нет, такого никогда не случалось с Тру, ведь она леди — по крайней мере внешне, — но блестящие голубые глаза выдавали ее суть. Под этим строгим, чуть-чуть жеманным обликом южанки бушевали подлинные страсти. Харрисон видел ее насквозь. И очень хотел забыть. Писал песни, стараясь изгнать свое сознание от мыслей о ней, но иногда все же мечтал о руках, обнимающих шею, о нежном податливом теле, которое чувствует под собой.

Тру наклонилась, чтобы заглянуть в окно у пассажирского кресла. Громоздкая матерчатая сумка болталась на ее плече. Тру так дивно пахла, черт побери, как какой-то волшебный весенний цветок в тайной беседке, наполненной посвистыванием бурундучков и щебетом маленьких голубых птичек.

— Я не могу поехать с тобой, даже если бы хотела.

То есть дала понять, что не хочет. Типично для нее. Она всегда гордилась своей независимостью.

— Но поговорить можем. Купить тебе колу? — Что означало любой напиток. Здесь, на Юге, все называлось «кола», особенно в Атланте.

— Нет, спасибо, — отказался Харрисон. — Дай мне ключи, и я попрошу своего менеджера доставить твою машину домой, в Мейбенк-холл.

Что было очень кстати: Харрисон всегда хотел показать Дену свои родные места.

— Я вовсе не хочу, — сказала Тру и покачала головой: — Но я вовсе не желаю, чтобы ты возвращался в Бискейн.

Никто там его не ждет. И не ждал. Никогда. Что, впрочем, не огорчало Харрисона: он предпочитал Лос-Анджелес, Аспен, тропические острова.

— Я не собираюсь стоять здесь и спорить с тобой весь день, — нетерпеливо вздохнув, произнес он. — Папарацци сели на хвост, так что нужно ехать. Давай покончим с политесом и займемся делом: ты ведь тоже не любишь тратить время попусту, как мне хорошо известно.

Но Тру не торопилась садиться в машину, и он добавил:

— Кстати, смогу навестить Гейджа. Уж не помню, когда видел его в последний раз.

Это было не совсем так: Харрисон как-то навестил брата, правда, очень коротко. Так случилось, что звезда оказался неподалеку от его дома, в гостях у одной известной

певицы. Сексуальная одинокая женщина, не претендовавшая на серьезные отношения, не возражала против случайного флирта и пиара, связанного с этим.

Тру неуверенно произнесла:

— Я тут девушку видела — дорогу переходила, так у нее татуировка на животе: ты с гитарой, и направляешься прямымиком в трусы.

Он покачал головой:

— Обложка моего первого альбома. Господи, чего только люди не придумают...

Тру осторожно положила сумку на крышу машины, порылась в огромном портмоне и вытащила связку ключей, к которой был привязан розовый резиновый шарик, утыканный розовыми резиновыми шипами.

— Что же, ладно. Я еду с тобой.

Удача.

— Это самая отвратительная связка ключей, которую я когда-либо видел, — усмехнулся Харрисон, чтобы скрыть волнение, охватившее его, когда она наконец-то согласилась сесть в машину.

— Не знаю, мне нравится, — пожала плечами Тру. — В этом есть что-то сентиментальное.

— Сентиментальное? — Да, это ее слово.

Он ниже опустил окно, и она бросила ключи ему в ладонь. Кончики ее пальцев коснулись его руки, и в голове мгновенно всплыло воспоминание об этих пальцах, которые гладили ему спину и ворошили волосы.

— Только у тебя может быть такая сентиментальная связка ключей.

Тру приподняла бровь.

— Многим нравится.

— Неужели? Откуда ты знаешь?

Харрисон всегда прибегал к этому маневру: дразнил ее, пытаясь обуздать сексуальные фантазии, сводившие его с ума, но так было раньше, а теперь у нее на пальце кольцо с большим камнем. Действительно, настоящее кольцо.

— У них в «Уолмарте» таких брелоков целая корзина.

Последнее слово всегда должно было остаться за ней. Тру нисколько не изменилась. Но когда это она начала делать покупки в «Уолмарте»? И кто тот счастливец, что надел ей на палец это кольцо?

— Так эта корзина была полная или пустая?

— Полная. Сотни штук, не меньше. И разных цветов.

— Если бы они так пользовались спросом, как ты утверждаешь, то тогда корзина должна была бы быть пустой. Разве нет?

— Может быть, они все время пополняют ее? — Тру вздохнула. — Послушай, Харрисон, я могу сесть? Желательно до того, как весь остальной мир узнает, что ты бежал от своих охранников...

Он открыл дверцу машины.

— Как Кинг-Конг?

— Что-то вроде того. — Она шире открыла дверь, схватила свою сумку и нырнула внутрь.

— Дай мне. — Харрисон взял сумку с ее колен: тяжеленная, с брендом «Карс Брайдал» на внешней стороне — и положил на заднее сиденье.

Да... Судя по всему, она выходит замуж. Тут и спрашивать не надо.

— Спасибо. — На щеках Тру вспыхнули два пунцовых пятна, когда дверца захлопнулась.

Окно с ее стороны поползло вверх и закрылось — его работа.

— Я отдам ключи моим ребятам, и мы можем ехать. — Он бросил взгляд на ее загорелые икры и тонкие лодыжки, почувствовал, как жар разливается в животе, и подумал: «Плохая идея». — На чем ты ездешь?

— На «акуре».

— Правда? Твоя преданность достойна похвалы. На последней модели?

Тру покосилась на него.

— Это все та же машина, на которой я ездила, когда заканчивала школу.

Ого... Вот это сюрприз!

— Что ж, неплохо, если ты сумела так долго содержать ее в приличном состоянии. Сколько она прошла?

Тру пожала плечами.

— Сто восемьдесят тысяч.

— И все еще полна энергии. — Его пикап прошел двести сорок пять тысяч, когда наконец-то разбился в пыль. — Ничего нет лучше, чем надежная машина.

— Хони научила меня ухаживать за вещами.

Харрисон заметил, что ее волосы чуть завиваются на концах, точно так же, как в былые времена.

— Она жива?

Тру покачала головой.

— Нет, умерла шесть лет назад. Мама думала, она будет обузой, но эта женщина до конца была полна жизни.

И Тру запела тихонько, тонким нежным голосом:

Пять шагов вдвоем, голубые глаза...

Харрисон готов был слушать ее целый день.

— Это была ее любимая, — вздохнула Тру. — Эта и еще «Прекрасно!».

— Мне очень жаль. — Он посмотрел на ее ладони, хотел накрыть их своей рукой, но не стал, опасаясь, что она не так поймет. — Пожалуй, она была самой забавной персоной в Бискейте: запросто могла сыграть на укулеле...

Тру засмеялась:

— Да, Хони могла...

Опустив взгляд, она посидела молча минуту-другую, затем подняла голову:

— Ты знаешь, как отсюда выехать на I-40?

— Мне кажется, в этой части света я знаю все дороги. — Харрисон улыбнулся и на какую-то минуту снова почувствовал себя восемнадцатилетним. — Знаешь, Тру, ты все такая же красивая.

Он впитал ее всю: эту кремовую кожу, светлые с платиновым оттенком волосы, широко распахнутые голубые глаза, бледную родинку около губ.

Тру вертела в руках козырек от солнца.

— Ты тоже ничего, и прекрасно знаешь это. Хотя я терпеть не могу, когда волосы укладывают гелем.

Он рассмеялся и выехал на улицу.

— Я тоже. — Повернув направо, Харрисон подождал, когда телохранитель поравняется с ним, чтобы отдать ключи Тру. Еще несколько инструкций — и можно ехать. — Это имиджмейкер настаивает на геле. Кстати, это одна из женщин, которые сегодня были со мной в машине.

— Ты не обязан отчитываться передо мной. — Тру заерзала на сиденье.

Черт, она нервничает.

— Знаю, что не обязан, — ответил он и нажал на мигалку. — Я просто так сказал, чтобы растопить лед.

— Нет, правда. Мы не обязаны ничего рассказывать друг другу. — Ее голос звучал мягко, почти печально.

Теперь пришла его очередь пожать плечами.

— Как дела в Мейбенк-холле?

— Десять лет прошло. Это немалый срок. — Она вздохнула. — Разве брат ничего тебе не рассказывал?

— Гейдж? Конечно, нет. Он слишком занят своими кроссвордами.

— Это очень захватывает, ты не думаешь? — Она помолчала. — Нам не слишком долго ехать?

— Да нет, все нормально. Кстати, мы можем арендовать самолет. Что, если ты доберешься до дома быстрее? Не возражаешь?

Ее глаза стали огромными как блюдца.

— Только не вздумай арендовать для меня самолет! — воскликнула она и добавила: — Пожалуйста.

— Арендуй самолет, я отправлюсь в полет... — Он рассмеялся. — А что, неплохо звучит? Успокойся, это для меня, не для тебя. Я должен успеть к телевизору до того, как начнет играть «Спурс»!

— То есть ты можешь вот так, запросто, взять и полететь куда хочешь?

— Это зависит от территории. Музыка кантри многое мне дала.

Тру долго не спускала с него глаз, потом тихо проговорила:

— Я рада за тебя, Харрисон. Очень рада.

— Правда? — Он пристально посмотрел на нее.

— Конечно. Подумать только, Бискейн может гордиться тобой. Почему бы тебе не нанести наш скромный городок на карту?

— Мне?

— Ну да. На водонапорной башне есть твое имя.

— Ты придумала?

Она покраснела.

— Мэр.

— Насколько я помню, ты всегда занимала активную гражданскую позицию, — напомнил он.

— И сейчас тоже. — Тру смотрела вперед. Мочки ее ушей украшали маленькие жемчужины.

Харрисон сдержал улыбку. Что-то такое было в Тру, что всегда поднимало его настроение. Может быть, причина в ее открытости? Как говорится, душа нараспашку? Она не умела ничего скрывать, ее сердце было открыто всем, и, несомненно, это было доброе сердце.

— Эй! — Он наклонился к ней. — Сделай одолжение: когда подъедем к аэропорту, надень это. — И указал на «бардачок».

Она открыла его и увидела солнечные очки и две нейлоновые бейсболки.

— Зачем? — Морщинка пролегла на ее переносице.

— Глупо, конечно, я понимаю... Но оглянись назад, кто-то едет за нами. Возможно, это «Нэшнл инкуайер».

Повернувшись, Тру прижалась к кожаному сиденью, и вырез ее старомодного платья приоткрылся, открывая нежные выпуклости груди. Черт подери, если Харрисон не наслаждался этим видом!

— И ты спокойно об этом говоришь? — Она произносила слова с едва заметным придыханием, и он почувствовал, как вдруг стали тесны ему джинсы, что было неправильно, учитывая, кто она, но абсолютно нормально с точки зрения физиологии. Он вовсе не собирался обречь себя на бессонные ночи.

— Легко. — Харрисон увеличил скорость и поменял ряд. — Понаблюдай за происходящим.

— Черный «вольво» все еще следует за нами?

— Да, вижу, — пробормотала Тру. — Определенно следует.

Харрисон снова поменял ряд, получив удовольствие от удивления в ее голосе, когда она воскликнула, что «вольво» чуть не врезался им в бампер.

Да, он действительно знаменит, но зачем понадобилось доказывать это ей, сам не понимал.

— Их надо оштрафовать, — заволновалась она. — Где полицейские? Их никогда нет, когда они нужны.

— Не знаю. — Это была забавная игра, особенно на спортивном автомобиле стоимостью сто шестьдесят тысяч долларов.

— Не хотела бы я быть на твоем месте, — вздохнула Тру.

— Так ты послушаешься моего совета и наденешь бейсболку? — кивнул он на «бардачок». — Иначе моя жена устроит скандал, когда увидит нашу совместную фотографию в газете.

Тру круто развернулась к нему.

— Твоя жена?

Он громко рассмеялся, радуясь, что устроил этот спектакль, затем внезапно затих.

— Я просто пошутил. Нет никакой жены. Ты так хорошо знаешь меня, и могла поверить в такое?

— Да нет, я и не думала верить, — нахмурилась Тру. — Но все равно это плохо.

— Почему? — Он повернул в сторону аэропорта — черный «вольво» неотступно следовал за ними. — Какая разница, женат я или нет? Что это меняет?

Миновала секунда напряженного молчания, и Тру наконец произнесла:

— Ничего. Просто не пристало так подшучивать над друзьями.

— Не пристало? Да? А кто установил такое правило? — Они ехали по дорожке к желтому зданию, за которым в ангаре стояло два самолета. — У тебя всегда было слишком много правил, Тру. И по правде говоря, если речь идет о нас, не думаю, что сейчас можно назвать нас друзьями.

Что за черт! Позволил ей смутиться из-за того, что она одернула его?

Тру капризно надула губы.

— Я думала, что сейчас...

— Я покончил с этим, — сказал Харрисон и направил машину на парковку. — Тема закрыта. Ты никогда не оставишь Бискейн, а я не собираюсь связывать себя. — Он выключил мотор. — Это все.

— Харрисон...

Он не дослушал и открыл дверь. Фотограф уже выскок из «вольво», с камерой наготове и чехлом от нее, болтавшимся на плече.

— Можешь шелкнуть нас со старинной подружкой вместе, Чарли. Я прослежу, чтобы моя команда ставила тебя в задний ряд на каждой пресс-конференции, которую я собираюсь дать. А что касается кольца на ее пальце, то я тут

ни при чем. Я просто вызвался подвезти девушку домой к ее возлюбленному, кто бы ни был этот придурок. Ясно?

— Все понял, мистер Гембл. — Чарли ни на йоту не удивился: настоящий профи.

— Дабз не придурок! — возмутилась Тру за спиной Харрисона в ответ на его реплику. — И я запрещаю тебе так говорить о нем.

— Ты запрещаешь? Это что-то новое. — Харрисон подмигнул Чарли. — Так ты бросила меня ради Дабза Уэринга? Этого урода?

— Он вовсе не урод! — отрезала Тру.

Он снова посмотрел на нее — со всей ее трепетной уверенностью в своей правоте — и подумал: «Господи, что происходит?» Что-то внутри у него перевернулось.

— Когда ты выходишь замуж?

— Не твое дело!

Он притворился, что внял ее критике, хотя с первого взгляда было ясно, что это не так.

— Я могу снять вас одного, мистер Гембл? — с улыбкой обратился к звезде Чарли. — Пара снимков... выглядите как эдакий усталый странник. Гитара на заднем сиденье?

— Нет, — вздохнул Харрисон. — Но раз ты уже проделал такой долгий путь, можешь сделать несколько снимков, когда я выйду, и затем уедешь. — Он взглянул на Тру: она вытирала ладони о подол платья, — что было как минимум странно.

— У тебя есть бумажный пакет? — спросила она едва слышно.

— Нет. — Гембл явно не понимал, что происходит.

— Ничего нет?

О черт: у нее огромные зрачки — плохой знак. Она что, сидит на наркотиках? Его Тру?

Конечно, нет.

— Тру, детка, что-то не так? — спросил он, чувствуя, как участился его пульс.

Она не была «его деткой» и никогда не будет: лишь на одну-единственную ночь он притворился, что была.

Тру покачала головой и дрожащими пальцами взялась за ручку двери.

— Н... ничего.

Открыв дверь машины, она наступила прямо на свое огромное портмоне и отскочила в сторону, оставив дверь широко открытой.

Харрисон тоже вышел из машины, с другой стороны.

— Что случилось?

Когда он схватил ее, она дрожала как лист на ветру. И потом эта проклятая книга выпала из-под ее платья, что было настолько странно, что он решил не обращать внимания. Он знал, что она любит читать, но, возможно, здесь нужна не книга, а что-то сладкое.

— Ты диабетик?

Он сделал знак Чарли: мол, стой на месте, на тот случай если потребуется вызвать «Скорую», и тот застыл с камерой, свисавшей с плеча.

Тру с трудом сдерживала рвотные позывы, зажав рот руками; пыталась глубоко дышать. Задержала дыхание. Выдохнула.

Харрисон положил руку ей на спину.

— Я с тобой.

На лбу у нее выступили капельки пота, спина согнулась, дрожь сотрясала все тело.

Придется все-таки вызывать «Скорую».

Он вытащил мобильник, но Тру схватила его за руку:

— Нет!

— Да, — отрезал Харрисон тоном, не терпящим возражений. — Мы не можем рисковать: ты бледная, как смерть, дрожишь. Это что-то серьезное.

Тру покачала головой.

— Мне просто нужно подышать: вот так.

Она снова зажала рот руками и принялась громко дышать. Это его немного успокоило, и он попросил Чарли:

— Дай мне чехол от камеры.

Тот все понял, и подбежав к Тру, протянул чехол. Она схватила его и засунула туда лицо.

— Что, черт побери, происходит?

— Приступ паники. — Лицо Тру все еще было скрыто чехлом. Она присела, а потом и вовсе легла на спину, но не оттого что стало хуже, а просто хотела расслабиться и прийти в себя.

Пульс Харрисона стал понемногу приходить в норму.

— Я боюсь летать, — опустив чехол, прошептала Тру и вздрогнула: раз, потом другой, — как птичка, ударившаяся об оконное стекло.

И залилась слезами.

— Ну, знаешь... — Он покачал головой. — Почему ничего не сказала?

Харрисон присел рядом с ней, притянул к себе, и, снова спрятав лицо в чехол, Тру пробормотала:

— Я думала, что справлюсь...

Несмотря на то что голос ее звучал глухо, с Харрисоном он творил что-то невероятное.

— Ты всегда думаешь, что справишься.

Тру ничего не ответила, и он, глядя на ее тонкие руки и шею как у подростка, сухо проговорил:

— Вот и правильно. Тебе просто нужно помолчать и спокойно подышать, Тру Мейбенк. Пусть мир отдохнет от тебя несколько минут.

Чарли отошел в сторону, а Харрисон взял руку Тру и начал растирать. Она почувствовала тепло и ждала, когда ей передастся его дрожь, но этого не случилось.

Он просто успокаивал, не думая, что делает что-то особенное. Она же была уверена в обратном: верила, что Харрисон не только возглавляет хит-парады, но еще и обладает сверхъестественными способностями.

— Не выбрасывай мою книгу, — донесся глухой голос из-под чехла. — Пожалуйста.

И пусть это «пожалуйста» было таким жалким, и она все же осталась верна своей старой привычке — командовать.

Большой самолет над их головами снижался, готовясь к посадке, выпустил шасси.

«Добро пожаловать в реальность!» — подумал Харрисон. Запах дизеля ударил в ноздри. И пусть он пишет и поет о простых вещах, о сути жизни, сам же всегда старался бежать от реальности.

Забавно, что ему удалось понять это здесь, на раскаленной от солнца парковке, рядом с любительницей чтения по имени Тру Мейбенк. После их расставания десять лет назад он был уверен, что вряд ли обрадуется, если увидит ее еще раз. И вот сейчас ему совсем не хотелось, чтобы она уходила...

Черт, это удивило его.